

Содержание

Неразлучные

Роман

7

Сильви Ле Бон де Бовуар

О “Неразлучных”

135

Из переписки

Симоны де Бовуар и Элизабет Лакуэн

147

Неразлучные

Роман

В девять лет я была очень послушной девочкой; я не всегда была такой, в раннем детстве тирания взрослых доводила меня до припадков настоящего бешенства, одна из моих теток даже заявила как-то раз на полном серьезе: “В Сильви вселился черт!” Война и религия укротили меня. Я сразу же совершила акт образцового патриотизма, растоптав целлулоидную куклу *made in Germany*, которую, кстати сказать, не любила. Мне сообщили, что от моего благочестия и хорошего поведения зависит, спасет ли Бог Францию, — деваться мне было некуда. Вместе с другими девочками я вышагивала по базилике Сакре-Кёр, распевая и потрясая хоругвями. Я стала много молиться и вошла во вкус. Аббат Доминик, капеллан в Коллеже Аделаиды, поощрял мое рвение. В газовом платье и капоре из ирландского кружева я приняла первое причастие — готовый пример для младших сестер. Я выхлопотала у неба, чтобы моего отца из-за слабого сердца пе-

ревели из действующей армии на службу в военное министерство.

В то утро я была в невероятном возбуждении: начинался новый учебный год, мне не терпелось скорее попасть в коллеж, на уроки, торжественные, как месса, в безмолвие коридоров, увидеть умильные улыбки наших монашек. Они носили длинные юбки, блузки с высоким воротником, а с тех пор, как часть здания отошла под госпиталь, одевались иногда как сестры милосердия. В белых косынках с красным крестом они были похожи на святых, и я трепетала, когда они прижимали меня к груди.

Я поспешно проглотила суп и серый хлеб, сменившие довоенный шоколад с бриошами, и нетерпеливо ждала, когда мама наконец оденет моих сестер. Мы все трое носили серо-голубые пальто из настоящего офицерского сукна, скроенные как шинели. “Смотрите, тут даже есть маленький хлястик”, — говорила мама своим восхищенным или удивленным приятельницам.

На улице мама взяла младших за руки. Мы хмуρο миновали кафе “Ротонда”, недавно с большим шумом открывшееся под нашей квартирой, — папа называл его притоном пораженцев. Слово “пораженцы” меня заинтересовало. “Эти люди верят, что Франция может проиграть войну, — объяснил папа. — Всех их надо расстрелять”. Я не поняла. Человек же не нарочно верит в то, во что верит. Можно ли карать человека за то, что ему приходят в голову какие-то мысли? Шпионы, которые раздают детям ядовитые конфеты или колют в метро фран-

цузских женщин отравленными иголками, бесспорно, заслуживали смертной казни, но насчет пораженцев я осталась в недоумении. Маму я расспрашивать не пыталась: она всегда отвечала то же самое, что и папа.

Сестры мои шли небыстро, решетка Люксембургского сада показалась мне бесконечной. Наконец я вошла в коллеж, поднялась по лестнице, радостно размахивая портфелем, набитым новыми книгами; я узнала слабый запах больницы, смешанный с запахом мастики в коридоре со свеженатертыми полами; надзирательницы поцеловали меня. В раздевалке я встретилась со своими прошлогодними одноклассницами — ни с одной из них я особенно не дружила, но мне нравилось, как мы все вместе шумим. Я задержалась в просторном холле у стеклянных витрин со старыми мертвыми экспонатами, умиравшими здесь во второй раз: чучела птиц теряли перья, засушенные растения осыпались, ракушки тускнели. Прозвенел звонок, и я вошла в класс Святой Маргариты. Все классные комнаты были похожи одна на другую: ученицы рассаживались вокруг овального стола, покрытого черным молескином, а во главе восседала учительница; наши мамы устраивались сзади и, приглядывая за нами, вязали подшлемники для фронта. Я подошла к своему табурету и увидела, что соседнее сиденье занято незнакомой девочкой — брюнеткой с впалыми щеками. Она казалась намного младше, чем я, ее темные блестящие глаза напряженно в меня вглядывались.

— Это вы — лучшая ученица?

— Я Сильви Лепаж, — сказала я. — Как вас зовут?

— Андре Галлар. Мне девять лет, я кажусь маленькой, потому что я горела заживо и не успела вырасти. Мне пришлось прервать учебу на год, но мама хочет, чтобы я догнала моих ровесников. Не могли бы вы дать мне посмотреть ваши прошлогодние тетради?

— Хорошо, — сказала я.

Уверенный тон Андре, ее быстрая, четкая манера говорить меня смутили. Она настороженно наблюдала за мной.

— Моя соседка, — она кивнула на Лизетт, — говорит, что вы лучшая ученица в классе. Это так?

— Я часто бываю первой, — ответила я скромно.

Я разглядывала Андре: прямые черные волосы, на подбородке чернильное пятно. Не каждый день встретишь девочку, которая горела заживо, мне хотелось задать ей кучу вопросов, но мадемуазель Дюбуа уже входила в класс, ее длинное платье мело пол; это была проворная усатая женщина, я относилась к ней с большим почтением. Мадемуазель села и начала перекличку. Дойдя до Андре, она подняла голову:

— Ну как, дитя мое, мы не слишком робеем?

— Я не робкая, — сказала Андре спокойно и учтиво прибавила: — К тому же вы не внушаете робость.

Мадемуазель Дюбуа на миг застыла, потом улыбнулась в свои усы и продолжила перекличку.

Выход из класса в конце уроков подчинялся неизменному ритуалу: мадемуазель стояла в дверях, по очереди пожимала руки матерям и целовала в лоб каждую ученицу. Она положила руку на плечо Андре:

— Вы никогда раньше не ходили в школу?

— Нет, до сих пор я занималась дома, но теперь я уже большая.

— Надеюсь, вы будете брать пример со старшей сестры, — сказала мадемуазель Дюбуа.

— О, мы с ней совсем разные, — ответила Андре. — Малу вся в папу, она обожает математику, а я больше всего люблю литературу.

Лизетт толкнула меня локтем: не то чтобы Андре вела себя дерзко, но все-таки с учителями так не разговаривают.

— Вы знаете, где комната экстернов? Если за вами придут не сразу, вы можете там расположиться и подождать, — предложила мадемуазель.

— За мной не придут, я буду ходить домой сама, — быстро сказала Андре. — Моя мама предупредила...

— Одна? — переспросила мадемуазель Дюбуа. Она пожала плечами: — Ну, раз ваша мама предупредила...

Меня она потом тоже поцеловала в лоб, и я пошла следом за Андре в вестибюль. Она надела пальто — менее оригинальное, чем мое, но очень красивое — из красного ратина с золотыми пуговицами; это не уличная девчонка, как же ей позволяют ходить одной по городу? Разве ее мать не знает об отравленных конфетах и ядовитых иголках?

— Где вы живете, Андре, деточка? — спросила мама, когда мы вместе с сестрами спустились по лестнице.

— На улице Гренель.

— Вот и хорошо, мы проводим вас до бульвара Сен-Жермен, — сказала мама. — Нам по пути.

— Спасибо, — ответила Андре, — но не утруждайтесь ради меня. — Она серьезно посмотрела на маму. — Понимаете, мадам, нас семеро детей, мама говорит, что мы должны научиться быть самостоятельными.

Моя мама кивнула, но она явно этого не одобряла.

Едва выйдя на улицу, я набросилась на Андре с вопросами:

— Как же вы горели заживо?

— Когда пекла картошку в костре. У меня загорелось платье, и я сожгла правую ляжку до кости. — Андре нетерпеливо махнула рукой, ей явно надоела эта история. — Когда можно будет посмотреть ваши тетрадки? Мне нужно знать, что вы проходили в прошлом году. Скажите, где вы живете, и я зайду к вам сегодня после обеда. Или завтра.

Я вопросительно посмотрела на маму — в Люксембургском саду мне не разрешали играть с незнакомыми девочками.

— На этой неделе не получится, — сказала мама, замявшись. — Давайте отложим до субботы.

— Хорошо, подожду до субботы, — согласилась Андре.

Я смотрела, как она переходит бульвар в своем красном ратиновом пальто; Андре была и правда очень маленькая, но шагала уверенно, как взрослая.

— Твой дядя Жак был знаком с некими Галларами, состоявшими в родстве с Лавернями, кузенами Бланшаров, — задумчиво проговорила мама. — Интересно, это те Галлары или не те? Но мне кажется, порядочные люди не позволили бы девятилетней крошке разгуливать одной по улицам.

Мои родители долго обсуждали разные ветви семейства Галларов, о которых они что-то слышали от близких или далеких знакомых. Мама расспросила наших монашек. Родственные связи родителей Андре с Галларами дяди Жака прослеживались весьма туманно, но это были в высшей степени достойные люди. Месье Галлар, окончивший в свое время Политехническую школу, занимал хорошее положение в компании “Ситроен” и возглавлял Лигу отцов многодетных семей; его жена, урожденная Ривьер де Бонней, принадлежала к известному роду воинствующих католиков и пользовалась всяческим уважением у прихожанок церкви Святого Фомы Аквинского.

Догадавшись, очевидно, о колебаниях моей матери, мадам Галлар в субботу пришла в школу встретить Андре после уроков. Она оказалась красивой женщиной с карими глазами, на шее у нее была черная бархотка со старинным украшением; она поцеловала маму, сказав, что та кажется моей старшей сестрой, и называя ее “моя маленькая мадам”. А мне не понравилась ее бархотка.

Не скупясь на подробности, она поведала маме о страданиях, выпавших на долю ее дочери: обуглившееся до кости бедро, огромные волдыри вокруг, бесконечные повязки с амбрином, тяжелый бред и поразительное мужество девочки — во время игры один мальчик случайно ударил ее ногой, раны открылись, и Андре так старалась не закричать от боли, что потеряла сознание.